

© 2019 г.

Т. Л. ЛАБУТИНА

«ДИТЯ ИНТРИГИ И БЕЗУМИЯ»: РЕАКЦИЯ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ПОЛИТИКУ ВООРУЖЕННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА ЕКАТЕРИНЫ II

Лабутина Татьяна Леонидовна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004249-1

Вынесенные в заголовок слова принадлежали известному государственному деятелю России Г. А. Потемкину, высказанные им в беседе с британским послом Джеймсом Гаррисом¹. Столь нелестной характеристики со стороны ближайшего сподвижника Екатерины II удостоилась ее знаменитая доктрина о вооруженном морском нейтралитете. Что собой представляла эта доктрина? В какой степени декларация о вооруженном нейтралитете повлияла на отношения между Россией и Великобританией? Какую роль сыграла британская дипломатия, и прежде всего посол Дж. Гаррис, в процессе ее обсуждения? Попытаемся разобраться.

Джеймс Гаррис прибыл в Россию в 1777 г. и в ранге чрезвычайного посла Великобритании оставался при дворе Екатерины II до 1783 г. Известный французский дипломат и политик Ш. М. Талейран считал его одним из способнейших дипломатов своего времени². Чем же Гаррис заслужил столь высокой оценки?

Джеймс Гаррис, первый граф Мальмсбюри, родился 21 апреля 1746 г. в Солсбери. Происходил из знатного рода. Его отец Джеймс Гаррис-старший доводился родным племянником известному политику конца XVII в. лорду Шефтсбери. Член палаты общин, философ по призванию свой досуг Гаррис-старший посвящал изучению трудов древнегреческих философов и филологии. Он был хорошо известен современникам своим произведением «Гермес».

Будущий граф Мальмсбюри получил прекрасное образование в Винчестере и в Оксфорде. Затем изучал право в Лейденском университете. Для завершения образования, как было в ту пору принято для аристократов, Джеймс отправился в путешествие по континенту. Он посетил Голландию, Пруссию, Польшу, Францию. Блестящее образование, незаурядные способности, а также семейные связи доставили 22-летнему Джеймсу Гаррису место полномочного министра при мадридском дворе. С 1772 по 1776 г. он занимал пост посланника при дворе Фридриха Великого. По возвращении из Пруссии он приобрел новые связи благодаря женитьбе на 16-летней дочери члена парламента сэра Джорджа Корнуэля Генриетте-Марии. Их брак оказался счастливым. В семье родилось четверо детей: две дочери и два сына. В 1778 г. дипломату было поручено дело исключительной важности — заключение оборонительно-наступательного союза с Россией. В ранге чрезвычайного посла Гаррис отправляется в Санкт-Петербург.

¹ Русский архив, 1874, т. 1, № 8, с. 400.

² *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. 2. Материалы. Варшава, 1897, с. 202.

ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ СОЮЗЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Гаррис прибыл в Петербург в начале января 1778 г. Ему вдогонку была послана депеша главы внешнеполитического ведомства герцога Саффолка, в ней предписывалось заняться переговорами о союзе между Великобританией и Россией, мысль о котором «так много занимала» его предшественников и составляет «искреннее желание обоих дворов». Саффолк предполагал, что при существующих обстоятельствах мало что изменилось в отношениях двух стран, чтобы устранить те препятствия, которые прежде мешали заключению союзного договора³.

К исполнению задания Гаррис приступил немедленно. Посол прекрасно понимал, что при дворе никто, кроме главы внешнеполитического ведомства Н. И. Панина, «не имеет перед императрицей голоса в рассуждениях об иностранных делах», и потому решил установить с ним доверительные отношения. И это ему удалось. «Ко мне он вежлив до крайности, — писал Гаррис о Панине, — и в доме его я постоянно нахожу самый радушный прием»⁴. Изложив Панину свои предложения об оборонительном союзе, Гаррис, спустя три дня, получил ответ от императрицы. Екатерина настаивала на том, чтобы англичане представили проект условий оборонительного союза, подчеркивая, что речь может идти исключительно об оборонительном, но никак не о наступательном союзе. Как утверждал Панин, само слово «наступательный» внушало императрице «отвращение»⁵.

Между тем дальше общих рассуждений о необходимости заключения союза дело не пошло. В очередной депеше Саффолку Гаррис, сомневаясь в успехе задуманного предприятия, сетовал на то, что «перепробовал все средства, чтобы возбудить в этом дворе сознание его истинных интересов, открывая ему ...окружающие их опасности, которые в случае, если они не прибегнут к своим естественным союзникам (англичанам. — Т. Л.), грозит если не разрушить, то по крайней мере поколебать самые основания их империи»⁶. Однако, продолжал посол, императрица верит в свою непобедимость, а также в то, что англичане нуждаются в России больше, чем русские в них. «Все это ...делает мои усилия безуспешными», — с горечью заключал Гаррис⁷. Тем не менее он не оставлял попыток сдвинуть дело с мертвой точки, пытался изыскать любые средства, чтобы приблизиться к выполнению данного ему поручения. Но все было напрасным. Императрица отказывалась от предложений британской стороны, не желая идти ни на какие уступки.

В это время англичане оказались в затруднительном положении, поскольку им пришлось в 1778 г. вступить в войну не только с североамериканскими колонистами, но еще с Францией, Испанией и Голландией, которые оказывали им поддержку. В письме к приятелю Роберту Кейту от 4 декабря 1778 г. Гаррис сетовал, что на всем континенте не видел «ни одного дружеского лица и сильно опасался, что число врагов умножится»⁸. После того, как Испания в 1779 г. объявила Англии войну, он констатировал: «Поднимается какой-то крестовый поход против нас»⁹.

Англо-французская (1778–1783 гг.), Англо-испанская (1779–1783 гг.) и Англо-голландская (1780–1784 гг.) войны являлись частью Войны за независимость английских

³ Подробнее см.: *Лабутина Т. Л.* Союзный договор — «камень преткновения» в переговорах британского посла Чарльза Кэткарта и российской императрицы Екатерины II. — *Новая и новейшая история*, 2018, № 3.

⁴ Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II. — *Русский архив*, 1874, т. 1, № 6, с. 1471, 1469.

⁵ Там же, с. 1475.

⁶ Там же, с. 1481–1482.

⁷ Там же, с. 1482.

⁸ Там же, с. 1507.

⁹ Цит. по: *Атлас Д.* Джеймс Гаррис, его дипломатическая миссия и письма из России. — *Труды слушательниц одесских высших женских курсов*, т. 1, вып. 1. Одесса, 1910, с. 5.

колоний в Северной Америке (1775–1783 гг.). После того, как 6 февраля 1778 г. Франция подписала договор о дружбе с колонистами, а спустя год к ней присоединилась Испания, Великобритания оказалась в состоянии войны с американцами и с ненавистными Бурбонами. Ей пришлось отстаивать свои владения в Европе, Индии и Вест-Индии. Естественно, что необходимость в помощи российских войск сделалась жизненно важной для англичан. Этим и объяснялась та настойчивость и нетерпение британской дипломатии, которые она проявляла, чтобы добиться заключения с Россией оборонительно-наступательного союза.

Сменивший лорда Саффолка герцог Стормонт настаивал на том, чтобы Гаррис убедил императрицу в необходимости более активной роли в совместных военных действиях в Европе. Он считал, что это неминуемо приведет к чрезвычайным расходам, связанным с мобилизацией части российских вооруженных сил. Испытывая финансовые затруднения, полагал английский министр, императрица обратится к помощи Британии, как это было прежде в войне с Турцией. Таким образом, все преимущества окажутся на стороне Британии. По справедливому замечанию британской исследовательницы Изабель де Мадариаги, «главной целью Британии становилось втягивание России в той или иной форме в войну в интересах королевства»¹⁰.

Хотя Гаррис продолжал надеяться на успех своего предприятия, однако он ошибался, принимая утверждения императрицы о дружеском расположении к Британии за ее согласие заключить союз с королевством. Окончательный отрицательный ответ посол получил в конце января 1779 г. 14 февраля Гаррис был приглашен на ужин к графу Строгонову, где присутствовала Екатерина. Императрица отвела посла в сторону и заговорила в своей доброжелательной манере: «Бумаги, переданные вами ...заставили меня перебрать в уме всякие средства, с помощью которых я бы могла оказать вам содействие. Я готова на все, чтобы быть вам полезной, только не решусь принять участия в войне; за последствия такого образа действий мне бы пришлось отвечать моим подданным, моему наследнику и, может быть, целой Европе»¹¹.

На следующий день Гаррису был вручен официальный ответ императрицы. В нем, в частности, говорилось о ее желании добиваться мира в Европе. Однако императрица убеждена, что меры, предлагаемые англичанами для скорейшего заключения мира, «без всякого сомнения, произведут действие совершенно противоположное» и заставят врагов Великобритании продолжить войну, в которую может включиться вся Европа. Что же касается союзного трактата, то она не сомневалась, что «время заключения оборонительного союза по естеству своему не совпадает с ...войной настоящей, причина которой постоянно исключалась из сношений между Россией и Англией, как вовсе не касающаяся их взаимных владений в Европе». Впрочем, продолжала Екатерина, если лондонский двор сумеет отыскать условия, могущие послужить основанием для умиротворения воюющих держав, «во избежание дальнейшего кровопролития», то императрица отзовется на это «с величайшей готовностью, усердием и искренностью, как подобает другу и естественной союзнице Великобритании»¹².

Гаррис был явно раздосадован неудачей, постигшей его в деле о союзе. Однако он не догадывался, что впереди его ждут еще большие разочарования из-за доктрины Екатерины II о вооруженном нейтралитете.

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ ЕКАТЕРИНЫ II

6 февраля 1779 г. ко двору императрицы с почтой доставили письма от российско-го консула в Кадисе. В них сообщалось, что русский корабль, нагруженный рожью и направлявшийся в Малагу, был остановлен, конфискован, товар продан с аукциона, а с членами экипажа обошлись «весьма бесчеловечно». Когда же императрица

¹⁰ *De'Madariaga I. Britain, Russia and Armed Neutrality of 1780. New Haven — Yale, 1962, p. 126.*

¹¹ Русский архив, 1874, т. 1, № 8, с. 361.

¹² Там же, с. 360–361.

узнала о том, что зафрахтованные российскими купцами в Выборге и загруженные лесом, дегтем и железом датские судна «Генриетта» и «Иоганнано», направлявшиеся в Бордо и Кадис, были задержаны английскими каперами в Ярмуте, она потребовала разъяснений от Гарриса. Екатерина сочла жалобы владельцев конфискованной собственности, перевозимой на судах, справедливыми. 30 сентября 1779 г. российской стороной был выдвинут очередной протест госсекретарю Веймуту относительно принудительной продажи товаров с судна из Риги, задержанного еще в 1778 г. Гаррис был проинструктирован объяснить Панину, что товары были проданы адмиралтейству, которое оплатило пошлины и стоимость товаров законным владельцам. 18 октября 1779 г. Гаррис отправил депешу лорду Веймуту, в которой говорилось, что недоброжелатели Англии упрекают британцев в нарушении нейтральной торговли. «Я знаю, — писал посол, — что новые жалобы приготавливаются в Риге, и генерал Броун, губернатор Лифляндии, был принужден их поддерживать». Граф Панин потребовал у Гарриса объяснений по этому поводу, чем возмутил посла. «Многочисленные нарушения нейтралитета, испытанные нами со времени начала настоящей войны от различных держав, — оправдывал действия соотечественников дипломат, — и поведение французского адмиралтейства никогда не приходят ему (Панину. — *Т. Л.*) на память, и он ...не понимает... что своими усилиями лишить нас права, неоспоримо принадлежащего всякому народу во время войны, наносит существенный вред торговле своей страны»¹³.

Между тем российские купцы из Риги подписали меморандум императрице и президенту российской Коллегии по делам торговли, жалуясь на плохое обращение со стороны британцев с их судами. Гаррис, сделав копию с меморандума, передал документ через Потемкина императрице и от него узнал, что Екатерина не придавала ему никакого значения. В действительности императрица не только обратила внимание на данную проблему, но и выступила в защиту своих коммерсантов. 8 ноября 1779 г. рескрипт был вручен российскому послу в Лондоне И. М. Симолину. «Не столько удивляет нас в настоящем случае наглость каперов по известному их своеволию и корыстолюбию, — говорилось в рескрипте, — сколько медленность, буде не самая потачка аглинских адмиралтейских судов, когда они в деле правом и явно основанном на договорах торжественного трактата так долго медлят с одной стороны удовлетворить обиде наших подданных, а с другой наказать виновников оной». Симолину предписывалось «учинить лондонскому двору сильнейшее представление в пользу помянутых рижских купцов, требуя... 1) чтобы они в их справедливом иске совершенно и достаточно как наискорее удовлетворены были; 2) чтобы арматоры, их обидевшие и незаконно прикоснувшиеся к флагу и собственности наших подданных, были за то наказаны; 3) чтобы аглинским адмиралтейским судам единожды навсегда точное и крепкое повеление дано было впредь не волочить так долго судом и расправой дел и жалоб наших подданных и чтобы напоследок: 4) для отвращения и упреждения на будущее время самого зла всему королевскому флоту и всем партикулярным арматорам... строжайше предписано было не останавливать навигации и торговли наших подданных как на их собственных, так и на нейтральных судах»¹⁴. На незаконность действий английских каперов указывалось и в ноте, переданной Гаррису 6 ноября 1779 г.

19 декабря 1779 г. Стормонт принял российского посла Симолина и заверил его в дружеском расположении короля к России и его стремлении соблюдать условия договора. Стормонт, однако, хитрил, поскольку решение адмиралтейского суда о продаже судна и товаров адмиралтейству не соотносились со статьями англо-российского договора 1765 г. С другой стороны, требование России, как признавала И. де Мадариага, также выходило за рамки договора. Россия имела право требовать выгоды на основе принципа «свобода для судов, свобода для товаров» только для своих собственных

¹³ Русский архив, 1874, т. 1, № 7, с. 180.

¹⁴ Рескрипт к Симолину в Лондон от 8 ноября 1779 г. — *Александренко В. Н.* Указ. соч., с. 200–201.

судов. В данном случае российские товары перевозились на иностранном судне, а потому не подпадали под действие договора¹⁵. Возможно, поэтому Стормонт не обратил внимания на протест со стороны России и попросил Гарриса держать его в курсе дела, предоставив российской стороне, если потребуется, необходимые аргументы.

Получив инструкции от Стормонта, Гаррис изложил свои доводы Панину в меморандуме 31 декабря 1779 г. В нем, в частности, говорилось: король «намерен исполнить в величайшей точности обязательства, выраженные в трактате 1765 г., и ...ничего так не желает, как дать усиленные доказательства своего расположения ...и более упрочивать доброе согласие, существующее между обоими дворами... Императрица может быть уверена, что плавание ее подданных не будет ни прервано, ни остановлено кораблями Великобритании»¹⁶. Судя по всему, Георг III не желал обострения отношений с Россией и пытался сгладить возникший конфликт, чтобы тот не повлиял на заключение оборонительного союза.

В январе 1780 г. до Екатерины дошла информация о том, что российское судно «Конкордия», нагруженное зерном для Марселя, было остановлено испанцами и приведено в Кадис. В этой связи российскому послу в Мадриде С. С. Зиновьеву была направлена реляция с приказом немедленно добиться освобождения всех судов, задержанных в Кадисе, на которых находился груз, принадлежавший российским подданным. Если же Испания будет чинить помехи, то Зиновьеву поручалось потребовать компенсацию. 17 февраля 1780 г. произошел новый инцидент с захватом российского судна испанскими властями в Кадисе. Императрица решила, что настал момент действовать. 19 февраля она подготовила указ коллегии Адмиралтейства о немедленном вооружении эскадры из 15 линейных судов и 5 фрегатов. Спустя неделю императрица приказала графу Панину подготовить указ, в котором объясняла, почему отдала распоряжение вооружить часть своего флота. Главная ее цель заключалась в том, чтобы убедить нейтральные государства, не участвующие на тот момент в войнах, объединиться с Россией в подготовке декларации о принципах свободной торговли. Императрица решила направить два вооруженных судна и два фрегата патрулировать Северное море и приказала Панину предложить Швеции и Дании сделать то же самое. Кроме того, Панин должен был довести до сведения иностранных послов при российском дворе, а также российских послов как нейтральных, так и воюющих государств информацию о новой политике России на море.

В депеше от 28 февраля 1780 г. Гаррис извещал официальный Лондон: «Письма к русским министрам при иностранных дворах с целью предписать им заключение общей лиги для защиты нейтральной торговли были разосланы по почте в течение прошлой недели; а формальная декларация, которая отправится с курьерами... вчера представлялась на одобрение императрицы. Она адресована ко всем нейтральным морским державам и ... исчисляет все неудобства, которые терпела их общая торговля со времени открытия враждебных действий между Англией, с одной стороны, и Францией и Испанией, с другой». Русская императрица, продолжал Гаррис, решила прибегнуть к более действенным мерам и «приглашает различные дворы соединиться с ней в деле, столь нужном для поддержания их взаимной чести и для безопасности их торговли»¹⁷.

Хотя Гаррис не одобрял решения императрицы, однако он полагал, что ее план направлен лишь против Испании и преследует исключительно коммерческие цели. Он считал, что действия Екатерины не затронут интересы Британии, более того, могут оказаться полезными в деле о заключении союза. «Если при таковых обстоятельствах Испания даст высокомерный ответ, а мы, как я того добивался, окажем особое внимание кораблям под русским флагом, — писал Гаррис приятелю М. Эдену

¹⁵ *De Madariaga I. Op. cit., p. 149.*

¹⁶ Русский архив, 1874, т. 1, № 7, с. 186.

¹⁷ Русский архив, 1874, т. 1, № 8, с. 363–364.

в Копенгаген, — то весьма вероятно, что настоящее вооружение окончится союзом с нами»¹⁸.

Между тем дипломатические приготовления подошли к концу. 27 февраля (9 марта) 1780 г. императрица издала Декларацию о вооруженном нейтралитете, адресованную лондонскому, версальскому и мадридскому дворам. Заметим, что в международном праве вооруженный нейтралитет объявляется нейтральной державой или группой нейтральных держав о состоянии готовности защищать свою морскую торговлю от воюющих на море государств с помощью вооруженных сил, к примеру, путем конвоирования нейтральных торговых судов военными кораблями. Таким образом, союз нейтральных держав преследовал своей целью защиту судоходства нейтральных государств.

Как мы видим, Екатерина II выступила инициатором объединения северных нейтральных стран (Швеция, Голландия, Дания) с тем, чтобы оказать сопротивление нападению английского флота на их торговые суда. Еще в 1778 г. Россия предложила сообща охранять торговые суда, направлявшиеся в русские порты. Весной 1779 г. Россия, Дания и Швеция, не вступая в формальный союз, направили воюющим странам (Великобритании, Франции и Испании) декларации о мерах, предпринятых ими для защиты нейтральной торговли.

Текст Декларации о вооруженном нейтралитете Екатерины II полностью приведен в сборнике документов «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке», изданном В. Н. Александренко в 1897 г. Остановимся на основных положениях документа.

Прежде всего, императрица напомнила, что за время войны, которая велась против Высокой Порты, она сумела ясно выразить «чувства правды, справедливости и умеренности» и представила «столь очевидные доказательства своего внимания к праву нейтралитета и свободе общей торговли», что может сослаться в этом на свидетельства всей Европы. Екатерина полагала, что ее политика могла внушать другим государствам «полную уверенность, что подданные ее будут мирно пользоваться плодами своей промышленности и принадлежащими каждой нейтральной нации преимуществами». Однако произошло противоположное: даже «должное к предписаниям универсального права народов уважение» не могло обеспечить ее подданных «от беспокойств, коим они часто подвергались в судоходстве и от препятствий их операциям со стороны воюющих держав». Екатерина полагала, что подобные «затруднения», причиняемые «свободе общей торговли и торговли русской в частности», таковы, что должны обратить на себя внимание и всех нейтральных наций. Посему императрица считает своей обязанностью и «сочла за долг справедливости» изложить пред лицом Европы те начала, которыми будет руководствоваться, чтобы устранить всякое недоразумение. Она находит, что эти начала «всякая нация может справедливо требовать для себя и что державы воюющие не могут их отменить, не нарушив законов нейтралитета и не отрекшись от правил, формально принятых ими в разных трактатах и публичных обязательствах»¹⁹.

Основные положения декларации сводились к следующему:

- корабли нейтральных государств должны «свободно плавать от одной пристани к другой и у берегов воюющих наций»;
- товары, принадлежащие подданным воюющих держав, должны свободно перевозиться на нейтральных кораблях;
- вышеперечисленные положения основываются на 10 и 11 статьях коммерческого трактата с Великобританией, «распространяя сии обязательства на все воюющие державы»;

¹⁸ Там же, с. 365.

¹⁹ Декларация императрицы Екатерины II о вооруженном нейтралитете от 27 февраля (9 марта), адресованная к дворам Лондонскому, Версальскому и Мадридскому. — *Александренко В. Н.* Указ. соч., с. 205.

— при определении того, что может означать блокированный порт, «должен таковым почитаться только тот, ко входу в который настоит очевидная опасность по сделанным распоряжениям от атакующей его державы, расставленными в близости оного кораблями»;

— указанные правила должны служить «основанием в судопроизводствах и приговорах о законности призов»²⁰.

Провозглашая вооруженный морской нейтралитет, императрица заявляла, что для охраны чести российского флага, безопасности торговли и мореплавания подданных она повелит «отрядить значительную часть своих морских сил». В то же время Екатерина подчеркивала, что будет соблюдать «неукоснительную строгость нейтралитета», пока не будет вынуждена «выступить из границ умеренности и совершенного беспристрастия», и только в крайнем случае ее флот получит приказание идти туда, «куда будет его требовать честь, польза и необходимость»²¹. При этом императрица выражала надежду, что воюющие державы, «проникнувшись чувствами правды и справедливости», окажут содействие исполнению ее «спасительных намерений», столь явно направленных к пользе всех наций и даже выгод самих воюющих», и дадут своим адмиралтействам и командующим офицерам инструкции, «согласные с вышеизложенными началами, почерпнутыми из первобытного кодекса народов и столь часто признанными в их конвенциях»²².

Одновременно с Декларацией о вооруженном нейтралитете императрица направила Симолину в Лондон рескрипт, в котором обвиняла «гишшанский» (испанский) двор в действиях против нейтральных судов, проходящих через Гибралтарский пролив. Испанцы забирают суда, отводят их в свои порты, а затем продают с публичных торгов «с крайним убытком и разорением хозяев и с подрывом торговли». Императрица ссылалась на захват судна «Св. Николай», принадлежащего петербургскому купцу Якову Жадимировскому. Судно было нагружено российскими товарами и послано в испанский порт Малагу для их реализации и приобретения испанских вин. И хотя императрица не сомневалась, что испанский король («католическое величество») не делал это преднамеренно, тем не менее считала, что «чинимые по временам от воюющих держав нейтральным подданным частные удовлетворения не могут ... быть совместны ни с достоинством, ни со всегдашними непоколебимыми интересами государей их, потому что не восстанавливают самой свободы и безопасности нейтрального плаванья»²³. По этой причине императрица сочла необходимым заблаговременно, прежде чем оскорбление российского торгового флага «преобразится во вредную привычку», употребить со своей стороны «к совершенному ограждению и обеспечению его все от нас и державы нашей зависящие пособия», согласуя их с правилами «строжайшего беспристрастия и нейтралитета». С этой целью Екатерина решила «на первый случай»: 1) отправить в Северное море два корабля и два фрегата «для удаления из тамошних вод всяких арматоров и обеспечения к портам нашим свободного плаванья всех вообще дружеских народов»; 2) вооружить из флота при Кронштадте 15 кораблей и 4 фрегата и содержать их в такой готовности, «чтобы они по первому повелению в море пуститься могли»²⁴.

Екатерина обращала внимание на тот факт, что сама придерживается «свободы и безопасности нейтрального кораблеплаванья», но требует и ожидает того же от других держав, в том числе и воюющих, «ибо оные основываются: с одной стороны, на

²⁰ Там же, с. 205–206.

²¹ Там же, с. 206.

²² Там же, с. 207.

²³ Рескрипт к Симолину в Лондон от 27 февраля 1780 г, утвержденный императрицей. — Там же, с. 208.

²⁴ Там же, с. 208–209.

простых, чистых и неоспоримых понятиях естественного права, а с другой — на словесных постановлениях коммерческого нашего с Великобританией трактата»²⁵.

Императрица давала распоряжение Симолину, чтобы, вручая британскому министерству декларацию, он препроводил ее уверениями в дружеском расположении к королю Великобритании и в твердом ее намерении «сохранить в ...его войне с двумя главными бурбонскими домами (Францией и Испанией. — *Т. Л.*) строжайший нейтралитет». Екатерина потребовала от посла сообщить, как отреагирует король и его министры на ее декларацию, а также «бдительно примечать, какую импрессию будет она производить» и какие правила примет действительно лондонский двор в рассуждении будущего своего поведения к России. Императрица советовала Симолину «чрез частые и достоверные разведывания» разузнать «точные слова», которые даются в инструкциях «морским начальникам» относительно торговли с Россией и вообще всей «таковой же навигации нейтральных народов». «Мы ласкаем себя надеждою, — продолжала Екатерина, — что и другие в нейтральной навигации заинтересованные державы — Швеция, Португалия и Голландия, а особливо союзник наш король датский — согласятся принять для себя и ознаменовать ...воюющим державам формальными же декларациями одинаковые с нами начала в рассуждении военной контрабанды и свободной торговли, с изъявлением ...одинаковой твердости на охранение ее». Императрица подтвердила, что уже поручила российским министрам в Копенгагене, Стокгольме, Гааге и Лиссабоне сообщить своим правительствам полное содержание ее декларации и «пригласить их к общему с нами делу при наиточнейшем наблюдении нейтралитета»²⁶.

Заметим, что вопрос о Декларации о вооруженном нейтралитете был в свое время изучен И. де Мадариагой. Исследовательница отмечала, что, хотя объединение нейтральных держав не приветствовалось Британией, оно основывалось на принципе «свободные суда, свободные товары». Существовало несколько причин, почему этот принцип отвечал в ту пору главным интересам России. Во-первых, императрица, «дитя Просвещения», уделяла большое внимание экономике, в особенности внешней торговле. Этот интерес возник у нее из экономических теорий, появившихся во Франции и Британии. Одержанная Екатериной II победа в первой Русско-турецкой войне (1768–1774 гг.) позволила забрать у Порты право для российских судов перевозить через Дарданеллы товары из Чёрного в Средиземное море. Если Екатерина объявляла принцип «свободные суда, свободные товары» для своего торгового флота, продолжала И. де Мадариага, то ее подданные в этом случае могли руководствоваться принципами извлечения выгоды для себя. Екатерина, рассуждала исследовательница, была не только реалистом, но и оптимистом. Обеспечение безопасности для торговых судов, которыми владели российские купцы, могло быть усилено с помощью судов других наций, ходивших под российским флагом. Кроме того, продолжала И. де Мадариага, императрица не забывала о значительной зависимости российской экспортной торговли от британских судов. Фактически Британия не сохраняла монополию судов на перевозку российских товаров. Британские суда превосходили все другие государства, но уступали по своей численности, к примеру, в Риге датским судам. Так, в 1778 г. товаров на 5,6 млн руб. было вывезено из Петербурга на британских судах, и на 5,4 млн руб. на судах других стран. С началом войны Великобритании с Францией и Испанией торговлю с ними могли осуществлять только нейтральные суда, главным образом датские, которые экспортировали из России во Францию пеньку. Если в 1776 г. 339 британских судов посетили Петербург и 285 из других стран, то в 1779 г. соотношение изменилось не в пользу англичан: 314 британских и 379 судов из других государств. «При столь увеличивавшейся пропорции судов нейтральных государств неудивительно, что императрица попыталась обеспечить им безопасность в своих

²⁵ Там же, с. 209.

²⁶ Там же, с. 210.

портах», — констатировала исследовательница. На ее взгляд, 1770-е и 1780-е годы были периодом «экономической экспансии в России; зная активно участвовала в использовании естественных ресурсов своих владений, и национальные и классовые интересы обеспечивались политикой, которая преследовала своей целью расширение иностранной торговли любыми средствами». Осуществление принципа «свободные суда, свободные товары» для всех нейтральных торговых наций отвечал нуждам экономического развития России в ту пору²⁷. Историк обращала внимание также на тот факт, что в европейском общественном мнении господствовало убеждение, будто бы императрица, издавая декларацию, не понимала ее сути. Одни утверждали, что Екатерина была несведуща в законах международного морского права и правилах торговли; другие говорили, что, вооружая свой флот, она намеревалась отблагодарить Британию, но не желала изменять свою политику. И. де Мадариага не разделяла обе точки зрения. «Трудно поверить», — писала она, — в то, что Екатерина, немало часов посвятившая штудированию соответствующей литературы еще в бытность свою великой княгиней, читавшая труды Блекстона и Монтескье ...и газеты... в которых эти принципы постоянно обсуждались ее министрами при этих дворах, не разбиралась в законодательном, политическом и экономическом значении принципа “свободные суда, свободные товары”»²⁸.

После обнаружения декларации Гаррис полагал «весьма вероятным», что «настоящее вооружение окончится союзом» России с Великобританией. Однако императрица по-прежнему отказывалась заключить союз, предпочитая придерживаться строгого нейтралитета. В апреле 1780 г. Гаррис получил из Лондона депешу, в которой министр Стормонт поручал ему на время остановить переговоры о союзе, поскольку не видел возможности «с успехом продвинуться ни на шаг». «Достоинство короля не допускает его просить о союзе», констатировал министр, тем более что «особенная настоятельность» одной стороны возбуждает подозрение в ее особой заинтересованности в решении дела²⁹.

Гаррис тем не менее не терял надежды на благополучный исход своего поручения, полагаясь на поддержку князя Потемкина. Но вскоре его мнение о фаворите Екатерины изменилось. Посол стал подозревать князя в том, что тот ведет с ним двойную игру и что он подкуплен противниками Англии, прежде всего Пруссией. Гаррис решил использовать аналогичное средство и просил лорда Стормонта дать разрешение на подкуп Потемкина. «Потрудитесь при этом помнить, — писал Гаррис в депеше министру, — что мы имеем дело с лицом, обладающим огромными богатствами и знающим цену того, о чем идет речь, так что нам приходится удовлетворить не его нужду, а его личность». Посол не исключал, что князь может запросить столько, сколько министр Людовика XIV Де Торси в 1709 г. предлагал герцогу Мальборо с целью привлечь того на сторону Франции. Речь шла о сумме в 2 млн франков³⁰.

Между тем от западных держав стали приходить отклики на Декларацию о вооруженном нейтралитете. 17 апреля 1780 г. Гаррис сообщал лорду Стормонту, что из Мадрида получен ответ на жалобы, высказанные российским правительством по поводу захвата судов. «Вслед за сильными выражениями уважения к императрице обещаются, что русские корабли будут починены и на счет нейтральных судов будут сделаны новые распоряжения». Спустя две недели Гаррис докладывал в Лондон о послании от короля Швеции с просьбой разъяснить отдельные положения декларации. Граф Панин охотно это сделал. Он напомнил, что нейтральные державы будут защищать торговлю всех остальных при условии, чтобы корабль, требующий покровительства, имел документы, а нападение на него являлось актом агрессии. Если же одна

²⁷ *De Madariaga I. Op. cit.*, p. 175—177.

²⁸ *Ibid.*, p. 178.

²⁹ Русский архив, 1874, т. 1, № 8, с. 369.

³⁰ Там же, с. 370.

из нейтральных держав начнет враждебные действия, то она исключается из союза. В случае же, если одна из воюющих держав обратится к неприятельским действиям, то будут приняты меры для того, чтобы заставить ее других «уважать». Высказанный поначалу ответ Панина устно был вскоре в письменном виде представлен шведскому послу. Документ завершался, как отмечал Гаррис, «многословными похвалами справедливости и беспристрастия намерений императрицы, а также говорит о великих последствиях, которые эта мера ...повлечет за собой, и о восхищении, уже возбужденном ею в Европе»³¹.

Вскоре Гаррис получил от Стормонта депешу, в которой министр уверял: Декларация о вооруженном нейтралитете включает в себе «ложное истолкование международного закона». Он доказывал, что имущество врага, хотя и найденное на нейтральном корабле, составляет законную добычу, что подтверждают многие авторитеты. Захватив с собой депешу Стормонта, Гаррис направился на прием к графу Панину. Посол просил министра передать документ императрице и убедить ее в ложности слухов, которые распространялись недоброжелателями Англии, будто бы британцы «сильнейшим образом» отвергали декларацию и объявили, что никогда не примут ни одной из ее статей. Панин подтвердил, что инициатива написания декларации целиком принадлежит императрице, а сам он только выполняет ее указания, и что этот документ никак не вредит интересам Британии.

В мае 1780 г. Панин сообщил послу о мерах, предпринятых императрицей по созданию Лиги нейтральных держав, усилия которой будут направлены на охрану их судов, а в случае, если торговля одной из них подвергается «стеснению», «все державы должны немедленно соединиться, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное их флагу, и поддержать права их притесненных подданных»³².

В июне 1780 г. российское правительство направило рескрипт Симолину, в котором извещало, что для того, чтобы «довести до конца и узаконить навсегда к общей народной пользе» новую систему морского нейтралитета «по первоначальным естественным правам», было снаряжено и вооружено при Кронштадте три эскадры. Первая из них должна была идти в Средиземное море, вторая направлялась к Лиссабону, а третья — «за Зунд в Северное море». Главная цель отправления эскадр заключалась в том, чтобы российский флаг «везде надлежащим образом уважаем был» и чтобы плавание российских торговых судов «не было подвержено от воюющих ... держав»³³.

Особое недовольство англичан вызвали намерения вступить в Лигу вооруженного нейтралитета конкурента на море — Голландии. Об этом Гаррис неоднократно говорил в беседах с Паниным, Потемкиным и императрицей. Однако его возражения не были услышаны. В свою очередь российская сторона упрекала англичан в противоправных действиях в отношении своих судов. Во время беседы с Паниным 23 октября 1780 г. Гаррис услышал немало упреков по поводу захваченных английскими крейсерами российских кораблей. Посол счел заявления министра вымыслом³⁴. Однако письмо Симолина к графу Панину от 10 ноября 1780 г. убеждает в обратном. В своей депеше российский посол извещал о беседе с лордом Стормонтом, во время которой указывал на продолжающиеся захваты «английскими арматорами» принадлежащих российским подданным судов, хотя их обязывали «иметь в почтении российский флаг и не наносить никакого препятствия торговле подданным Ее Величества»³⁵.

³¹ Там же, с. 374–375.

³² Там же, с. 387.

³³ Рескрипт к Симолину от 7 июня 1780 г. — *Александренко В. Н.* Указ. соч., с. 211.

³⁴ Русский архив, 1874, т. 1, № 8, с. 412.

³⁵ Письмо министра Симолина к графу Никите Ивановичу Панину от 10 ноября 1780 г. — *Александренко В. Н.* Указ. соч., с. 214–215.

Любопытна реакция британского парламента на Декларацию о вооруженном нейтралитете, о которой упоминал российский ученый Н. А. Нотович. Он подчеркивал, что все ораторы в обеих палатах парламента были склонны признать декларацию «наиболее враждебным актом» России против Англии. Большинство депутатов палаты общин считали неизбежным разрыв отношений с Россией. Известный юрист лорд Кэмбден в своей пространной речи пытался доказать, что русская императрица стремится «диктовать собственные законы всем морским державам и подорвать главные основы международного права, которое никогда не предписывало шадить неприятельские суда, плавающие под чужим флагом». Лорд Кэмбден расценил декларацию как «опасный и произвольный акт», а потому Англия должна или объявить войну России и ее союзникам, или предоставить этим державам свободу помогать всем врагам Великобритании³⁶.

Тем временем российские дипломаты продолжали активную деятельность по привлечению новых государств в Лигу нейтральных держав. В одном из донесений в Лондон Гаррис с нескрываемой радостью признавал, что Панин предпринимает большие усилия для вовлечения в лигу Нидерландские республики и с трудом скрывает от императрицы, что не все они дали на то свое согласие. Гаррис не мог удержаться от того, чтобы не упрекнуть голландцев за их желание вступить в лигу. «Мы, вероятно, нанесем этой конвенции удар под самый корень, отняв у голландцев их название нейтрального народа, — писал он Роберту Кейту в Вену 29 ноября 1780 г. — Они неблагодарные, низкие и бесчувственные невежи: и если их ожидает гибель, они ее вполне заслужили»³⁷.

Однако попытки англичан помешать Нидерландам присоединиться к лиге не увенчались успехом. В декабре 1780 г. курьер доставил в Петербург документ о соглашении Голландии вступить в лигу, хотя его одобрили не все провинции. Главное, что подпись под документом поставил сам штатгальтер республики. Гаррису стало известно, что голландцы предложили российской стороне заключить с ними также торговый договор на условиях, «крайне выгодных для России»³⁸.

Между тем британский посол не оставлял надежды на то, чтобы расстроить создаваемую Екатериной II Лигу нейтральных государств. Он просил Потемкина устроить ему встречу с императрицей. Князь, как извещал Гаррис лорда Стормонта, «употребил все усилия», чтобы уговорить государыню принять посла «частным образом», но был удивлен отказом с ее стороны это сделать. Подобное поведение императрицы Потемкин объяснял происками своих врагов, которые распространяли слухи о его стремлении к неограниченной власти, что не могло не задеть Екатерину. К тому же, пояснял князь, императрица за два последних года «чрезвычайно опустилась, умственные ее способности ослабели, а страсти усилились». И когда он заводит речь с ней об иностранных делах, Екатерина не отвечает ему ничего, либо отвечает «горячо и с неудовольствием»³⁹.

Наконец, 7 декабря 1780 г. Екатерина дала свое согласие принять британского посла. Примечательно, что перед этой аудиенцией князь Потемкин подробно инструктировал Гарриса, что и как следует говорить императрице. «Он советовал мне несколько не стесняться, а говорить прямо и откровенно, потому что она (императрица. — *Т. Л.*) обладает редкой проницательностью, — повествовал Гаррис. — Лыстите, как можно больше, и не бойтесь в этом пересолить... Не ожидайте, чтобы вам удалось прервать Голландскую негоциацию, или чтобы ... отговорить ее от исполнения ее любимого плана вооруженного нейтралитета. Довольствуйтесь уничтожением его последствий; само же намерение непоколебимо». Потемкин полагал, что данный проект

³⁶ Нотович Н. А. Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб., 1907, с. 109—110.

³⁷ Русский архив, 1874, т. 1, № 8, с. 415, 417.

³⁸ Там же, с. 419.

³⁹ Там же, с. 420.

был составлен «по ошибке» и «обработан тщеславием», а поддерживается исключительно «гордостью и упрямством» императрицы⁴⁰. Довольно странно было слышать подобную характеристику вооруженного нейтралитета от первого лица при дворе Екатерины!

Выслушав наставления князя, Гаррис отправился на аудиенцию к императрице. Свой разговор с ней он подробно изложил в депеше к лорду Стормонту 13 декабря 1780 г.⁴¹ Гаррис начал беседу с упреков по поводу неблагополучного состояния дел между Англией и Россией. На это Екатерина, заверив посла в искренности и неизменности своих чувств к английскому народу, заявила, что в ответ не встретила достаточно взаимности, чтобы считать британцев далее своими друзьями. Гаррис попытался возразить и предложил обратиться к возобновлению условий Парижского мира 1762 г. вместо принятой Декларации о вооруженном нейтралитете. Однако императрица была непреклонна. «Я буду поддерживать свое намерение: я считаю его полезным», — заявила она. А далее поинтересовалась у посла, какое зло может принести англичанам вооруженный нейтралитет, или вернее «это вооруженное ничтожество»? «Возможное зло, — отвечал Гаррис. — Он предписывает новые законы, которые, защищая торговлю наших врагов, оставляют нас беззащитными; сохраняет им их торговые суда для перевозки войск и снабжает их всем нужным для постройки судов военных; кроме того, нейтралитет смешивает наших друзей с нашими врагами, и его же употребляют для достижения целей совершенно различных от того, что вызвало его появление»⁴². Императрица в ответ раздраженно упрекала британцев: «Вы вредите моей торговле, вы останавливаете мои корабли. В моих глазах это имеет огромное значение. Торговля это мое дитя, — как же вы хотите, чтобы я не сердилась? ...Оставьте в покое мою торговлю, не задерживайте мои немногочисленные суда... Я бы желала, чтобы мой народ сделался промышленным»⁴³. Гаррис пытался оправдываться, уверяя Екатерину, что его правительство сделает все для охраны российских судов. В то же время он продолжал настаивать на соблюдении условий Парижского мира, опасаясь, что в силу вооруженного нейтралитета все народы начнут пользоваться привилегиями, которые не принадлежат им.

Подводя итоги своей беседы с Екатериной II, Гаррис констатировал: «что касается до ее нейтрального союза, она от него не откажется; она слишком горда, чтобы сознаться в ошибке... Она видит, до какой степени несправедливы последствия этого союза для других народов и какие неудобства могут возникнуть от него для нее самой. Она теперь желает только найти предлог, чтобы уничтожить последствия нейтралитета»⁴⁴. Посол предлагал своему шефу «подделываться» под характер императрицы, льстить ей, допустить свободный проход ее кораблям, что позволит, на его взгляд, сделать ее «искренним и усердным» другом Англии. Однако лорд Стормонт в ответной депеше заявил Гаррису, что вовсе не разделяет его надежд⁴⁵. И действительно, Екатерина II продолжала активно продвигать свою Декларацию о вооруженном нейтралитете.

Как бы не старались англичане очернить задуманный Екатериной проект о вооруженном нейтралитете, он все больше привлекал внимание правителей других государств. Вслед за Голландией 8 мая 1781 г. к нему присоединилась Пруссия. В сентябре 1781 г. с просьбой о включении в Нейтральную лигу выступил император Австрии, о чем Гаррис писал в Лондон: «Все это... наводит на мысль, что Ее Императорское Величество решила возвести эту странную, но любимую ею меру на степень

⁴⁰ Там же, с. 421–422.

⁴¹ Там же, с. 422–432.

⁴² Там же, с. 426.

⁴³ Там же, с. 426, 430.

⁴⁴ Там же, с. 432.

⁴⁵ Там же, с. 433.

постоянного закона, сохраняющего силу и в мирное время, для чего она намеревается насильно навязать этот закон даже ... тем державам, которые сами по себе вовсе бы не были расположены ему подчиняться»⁴⁶. Гаррис недоумевал, почему императрица с таким упорством держится за эту «дику систему», на которую ею уже истрчено больше, чем можно было получить от обычного нейтралитета, однако не считал нужным пытаться разубеждать Екатерину в ее заблуждении.

Между тем европейские державы отнюдь не считали Декларацию о вооруженном нейтралитете «заблуждением». После Австрии 13 июля 1782 г. к ней присоединилась Португалия, а 10 февраля 1783 г. — Королевство Обеих Сицилий. Франция, Испания и США также признали принципы вооруженного нейтралитета, хотя формально к нему не присоединились. По сути дела, из крупных морских держав лишь Великобритания не признала Декларацию о вооруженном нейтралитете.

Противодействие Великобританией принципу вооруженного нейтралитета и продолжающиеся отдельные попытки задержания российских судов англичанами вызвали со стороны Екатерины охлаждение в отношениях с британским послом. В депеше от 9 ноября 1781 г. Гаррис сетовал на то, что с некоторых пор императрица стала заметно отличать его противников — министров Франции и Пруссии, к которым относилась прежде весьма прохладно.

В своих депешах в Лондон посол неоднократно возвращался к теме, связанной с вооруженным нейтралитетом. Императрица, на его взгляд, стремилась «обратить» правила вооруженного нейтралитета во всеобщие законы, однако, считал дипломат, она ошиблась при составлении этого проекта. «Гордость помешала ей тотчас же от него отказаться, — полагал Гаррис, — а с тех пор тщеславие и непомерная лесть укоренили его в ее уме»⁴⁷. Дипломат полагал, что если бы англичане с самого начала или отвергли, или приняли вооруженный нейтралитет по отношению к одной России, то он «остался бы без всякого значения». Теперь же слишком поздно. Гаррис считал, что за «простое удовлетворение фантазии» императрицы вряд ли стоило платить дорожную цену, признавая нейтральную конвенцию.

Как бы то ни было, но идея создания Лиги нейтральных государств, инициированная Екатериной II, постепенно воплощалась в жизнь. Как отмечал известный британский ученый М. Андерсон, создание «вооруженного нейтралитета», хотя и нежеланного для англичан, способствовало усилению величия и могущества России, которого не видела Британия со времен Полтавы. Одержав блистательные военные и морские победы и приобретя новые территории, Екатерина, казалось, «сама себя короновала своими достижениями и сделалась арбитром в Европе». Пресса и общественное мнение Британии осуждало правительство за то, что оно позволило России стать морской державой. Журнал «Scots Magazine» писал: «Великобритания, первая морская держава в мире должна стыдиться за то, что на протяжении нескольких лет она принимает законы от империи, которая на памяти многих, ныне живущих, училась у нее строить корабли и управлять ими»⁴⁸. Тем не менее возросший статус России как европейской державы в правление Екатерины вызвал у многих британцев восхищение. Пресса писала о быстром росте величия России. В то же время усиление позиций России на международной арене, обеспеченное победой в Русско-турецкой войне, завоеванием Крыма, посреднической ролью в войне Великобритании с Голландией, наконец признанием доктрины вооруженного нейтралитета рядом стран, не могло не вызвать раздражения «естественной союзницы» Великобритании. Россию англичане стали рассматривать как державу, которая представляла для них угрозу. И действительно, вооруженный нейтралитет Екатерины II в определенной мере подорвал морское могущество Великобритании. Не удивительно, что британская дипломатия

⁴⁶ Русский архив, 1874, т. 1, № 11, с. 795.

⁴⁷ Там же, с. 839.

⁴⁸ Цит. по: *Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia. 1553—1815. London — New York, 1958, p. 137.*

потратила столько сил, чтобы заставить российскую императрицу отказаться от своего «детища», но все было напрасно. Первый в истории вооруженный нейтралитет, инициированный Екатериной II, распался естественным путем после заключения воюющими державами Версальского мирного договора в 1783 г., поскольку необходимость в нем попросту отпала.

В конце августа 1783 г. Гаррис явился ко двору, чтобы проститься. На прощальной аудиенции Екатерина попросила посла передать королю Великобритании, что ей особенно приятно «видеть его дружеские к ней чувства, и ничто не может быть искреннее той дружбы, которую она со своей стороны питает к нему»⁴⁹. Гаррис удостоился особого внимания Екатерины. «Гаррис едет, получив, сверх обыкновения подарка, весьма отличные дары», — сообщал князь А. А. Безбородко, — «табакерку с портретом, для жены эгрет и для сестры сердечко бриллиантовое»⁵⁰.

В заключительном отчете Гаррис выражал надежду, что перед его преемником откроется «гладкая и легкая дорога» и его способности подскажут ему, каким образом лучше всего воспользоваться этими обстоятельствами. «Действия этого двора в настоящую минуту очень ясно говорят сами за себя, — писал дипломат. — Выражения их искренни, отчасти потому, что они в нас нуждаются, а отчасти и потому, что опыт открыл им глаза». Гаррис был убежден, что императрица чувствовала «неправильность своих действий» во время войны Англии с Бурбонами и Голландией. А своим «пристрастием, оказанным ею нашим врагам, она в одно и то же время существенным образом повредила и себе, и нам»⁵¹. Как видно, Гаррис не желал признать своего поражения в дипломатическом поединке с российской императрицей.

Дипломатическая карьера Гарриса не завершилась после его отъезда из России. В 1784 г. он был отправлен посланником в Гаагу, где оставался до 1788 г. В 1796 г. в качестве полномочного министра Гаррис принимал участие в мирных переговорах Англии с французской Директорией. Политические взгляды бывшего российского посла претерпели изменения: он сделался горячим приверженцем некогда ненавистной ему Пруссии. Свою дипломатическую деятельность Гаррис на протяжении нескольких лет, с 1770 по 1774 и с 1780 по 1788 г. совмещал с парламентской, представляя графство Кристчерч в палате общин. Тяжелая болезнь (глухота) вынудила лорда Мальмсбюри отойти от дел (будучи в России Гаррис был посвящен в рыцари, в 1784 г. получил титул барона, в 1800 г. стал первым графом Мальмсбюри). Он удалился на покой, однако, как отмечала Д. Атлас, «политические судьбы горячо любимого отечества были всегда одинаково близки сердцу “старого льва”» (прозвище Гарриса. — *Т. Л.*)⁵². Он продолжал служить своему отечеству, консультируя по вопросам внешней политики министров, а также молодых дипломатов. Среди тех, кто приезжал к нему за советом, был известный лорд Палмерстон. Последние годы жизни лорд Мальмсбюри провел вдали от друзей и коллег и скончался 21 ноября 1820 г. почти всеми забытый. Однако слава пережила его, и в историю своей страны Джеймс Гаррис вошел как один из блестящих дипломатов Европы XVIII столетия.

⁴⁹ Русский архив, 1874, т. 1, № 11, с. 897–898.

⁵⁰ Цит. по: *Атлас Д.* Указ. соч., с. 19.

⁵¹ Русский архив, 1874, т. 1, № 11, с. 898.

⁵² *Атлас Д.* Указ. соч., с. 20.